

ВОСТОК – ЗАПАД

DOI: 10.31857/S086919080007030-0

ОТ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ К БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ:
ЧТО НЕСЕТ МИРУ КОРЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СДВИГ¹

© 2019

А. В. ЛУКИН ^{a, b, c}, Д. П. НОВИКОВ ^b^a – МГИМО МИД РФ; ^b – НИУ ВШЭ, Москва, Россия;^c – Школа государственной политики Чжэцзянского университета (КНР)^{a, b, c} – ORCID: 0000-0002-1962-2892; avlugin@hse.ru^b – ORCID: 0000-0003-3066-7044; dp.novikov@hse.ru

Резюме: После окончания холодной войны США оказались, вероятно, в наиболее выгодных геополитических условиях, в которых когда-либо оказывалась великая держава за всю мировую историю. Евразийский континентальный массив – «мировой остров», как его называл Х. Маккиндер, – оказался рассечен на фланги и центр, где ведущие державы сосредоточились на проблемах своих макрорегионов и мало интересовались судьбой соседей. На протяжении двух десятилетий российское руководство искало точку опоры на одном из этих флангов – европейском, формулируя свою политику через призму концепции построения «Большой Европы» – территории, в которую входят все европейские страны и страны члены ЕАЭС. В экономическом отношении Большая Европа должна была создать общий рынок от Лиссабона до Владивостока, где отсутствуют барьеры для бизнеса и существуют единые, понятные для всех правила.

Однако в последние годы характер российской политики претерпел фундаментальные изменения – Россия начала демонстрировать стремление выступить в роли собирателя единого геополитического пространства Евразийского континента.

В данной статье авторы анализируют структурные предпосылки, обусловившие постепенный отход внешней политики России от концепции построения Большой Европы в пользу формирования новой геополитической и геоэкономической конструкции – Большой Евразии. Эта концептуальная рамка геополитического, геоэкономического и геостратегического сближения государств нацелена на превращение Евразии в центр мировой экономики и политики. В своём исследовании авторы дают краткий обзор зарубежных и отечественных работ, посвященных геоэкономической консолидации Большой Евразии.

Большая Евразия – совместный проект входящих в него государств, готовых идти к общей цели. Одним из таких проектов, которому посвящена данная статья, является анализ российско-китайского сближения, чьи действия в ШОС прежде сковывались стремлением сдерживать влияние друг друга, а также реакцией на него со стороны США.

Ключевые слова: внешняя политика России, история международных отношений, евразийский регионализм, международные институты, Большая Евразия.

Для цитирования: Лукин А.В., Новиков Д.П. От Большой Европы к Большой Евразии: что несет миру коренной геополитический сдвиг. *Восток (Oriens)*. 2019. № 5. С. 60–76. DOI: 10.31857/S086919080007030-0

¹ Статья подготовлена при грантовой поддержке Факультета мировой экономики и мировой политики регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

FROM GREATER EUROPE TO GREATER EURASIA: WHAT BRINGS THE WORLD A FUNDAMENTAL GEOPOLITICAL SHIFT

© 2019

Alexander V. LUKIN ^{a, b, c}, Dmitry P. NOVIKOV ^b^{a, b, c} – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO);^b – National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia^c – Zhejiang University, School of Public Affairs, China^{a, b, c} – ORCID: 0000-0002-1962-2892ж avlukin@hse.ru^b – ORCID: 0000-0003-3066-7044; dp.novikov@hse.ru

Abstract: After the end of the Cold War, the USA was probably in the most favorable geopolitical conditions in which a great power has ever found itself during the whole history of the world. The Eurasian continental massif – the “world island”, as it was called by Halford Mackinder – turned out to be dissected into “flanks” and “center”, where the leading powers focused on their macro-regions problems and less interested in the fate of their neighbors. During two decades, the Russian leadership has been looking for a foothold on one of these flanks – the European one, formulating its policy through the prism of the concept of building a “Greater Europe” – a territory that includes all European and EAEU member countries. Economically, Greater Europe was supposed to create a common market from Lisbon to Vladivostok, where there are no barriers to business and there are common rules that are clear to everyone.

However, in recent years, the nature of Russian politics has undergone fundamental changes – Russia began to demonstrate its desire to act as a “collector” of the single geopolitical space of the Eurasian continent.

In this article, the authors analyze the structural prerequisites that caused the gradual departure of Russia's foreign policy from the concept of building a Greater Europe in favor of the formation of a new geopolitical and geo-economic structure – Greater Eurasia. This conceptual framework of geopolitical, geo-economic and geostrategic rapprochement of states is aimed at turning Eurasia into the center of world economy and politics. In their study, the authors give a brief overview of foreign and domestic works on the geo-economic consolidation of Greater Eurasia.

Greater Eurasia is a joint project of its member states, ready to go towards a common goal. One of the projects, to which this article is devoted, is the analysis of Russian-Chinese rapprochement, whose actions in the SCO were previously constrained by the desire to restrain each other's influence, as well as the reaction to it from the United States.

Keywords: Russian foreign policy, history of international relations, Eurasian regionalism, international institutes, Greater Eurasia.

For Citation: Lukin A. V., Novikov D. P. From Greater Europe to Greater Eurasia: What Brings the World a Fundamental Geopolitical Shift. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 60–76. DOI: 10.31857/S086919080007030-0

В последние несколько лет на пространстве Евразийского континента был выдвинут целый ряд крупных инициатив в сфере развития транспортно-логистических, экономических и институциональных связей между различными частями континента. Наиболее масштабные из этих инициатив и существующих вокруг них концепций подразумевают формирование единого геоэкономического и институционального пространства если не в пределах всего континента, то на территории большей его части. Это ставит вопрос о формировании качественно нового состояния и форматов международного сотрудничества между государствами Евразийского континента – географически и содержательно более широкого по сравнению существующими многосторонними институтами, такими как, например, Шанхайская организация сотрудничества и Евразийский экономический союз, но при этом не имеющими какого-либо четкого политико-правового оформления. Ряд исследователей характеризуют эту геоэкономиче-

скую консолидацию как формирование нового международного сообщества – Сообщества Большой Евразии [Караганов, 2017; Караганов, Бордачев, 2017; Lukin, 2018, p. 83–84; Bordachev, 2018, p. 597–613].

Контуры этой обширной по своему географическому размаху новой политико-экономической общности достаточно широки. Она, по мнению ее теоретиков, может включать в себя как «страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны Европейского субконтинента и их организации, в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество» [Караганов, 2017]. В официальной внешнеполитической риторике России идея создания международного сообщества Большой Евразии приняла форму инициативы Всеобъемлющего евразийского партнерства, выдвинутого в 2016 г. Президентом России В.В. Путиным. В ходе своего выступления на Санкт-Петербургском экономическом форуме российский лидер предложил «создание более широкого интеграционного контура» «с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми... уже сложились тесные отношения, – Китай, Индия, Пакистан, Иран и... партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений» [Путин, 2016].

В научной литературе, изучающей это явление, ведется спор, насколько устойчивым может быть такая архитектура международного сотрудничества и каковы перспективы ее дальнейшего развития. Ряд исследователей отмечают, что укрепление связей между различными государствами и регионами Евразийского континента является объективным процессом. В его основе лежат наращивание сотрудничества между двумя крупнейшими центрами экономического развития в Евразии – ЕС и Китаем, а также вовлечение в этот динамичный процесс других стран. Указывается в связи с этим и на формирование нового феномена – трансрегионализма, который характеризуется сочетанием и синергией нескольких регионалистских проектов в рамках одного большого пространства. Такая трактовка предполагает, что возвышение и консолидация Евразии являются объективным историческим трендом, который развивался бы вне зависимости от внешних геополитических факторов [Diesen, 2018].

Другая точка зрения, получившая большее распространение в западной науке и экспертизе, рассматривает саму концепцию «Большой Евразии» как следствие российско-китайского сближения и способ оформления их неформального союза. Возможность появления российско-китайского блока в целях балансирования США рассматривалась в реалистских и геополитических подходах по меньшей степени с 1990-х гг. [Бжезинский, 2015; Mearsheimer, 2001]. После 2014 г., с началом российско-западной конфронтации из-за Украины, российская политика на сближение с КНР трактуется в рамках этого подхода как стремление Москвы усилить тем самым свои позиции в противостоянии с США и их союзниками. Через эту же призму трактуются и концепция «Большой Евразии» и сопутствующие ей инициативы: с точки зрения России это позволяет повысить статус Москвы в союзе с Пекином, а для Китая развитие евразийских инициатив и форматов создает позитивное политическое и концептуальное оформление расширения его экономического присутствия практически на всем континенте. В отличие от первой, данная точка зрения, как правило, сопровождается указанием на хрупкость такого альянса, а значит, и всех евразийских инициатив, по причине неизбежного нарастания дисбалансов в российско-китайских отношениях [Stronski, Ng, 2018, p. 1–58; Charap, Drennan, Noël, 2017, p. 25–42]. Исходя из этого же, в западной экспертизе господствует мнение, что Россия может легко отказаться от партнерских отношений с КНР, как только у нее появится возможность наладить отношения с Западом [Бжезинский, 2015].

Авторы данной статьи полагают, что объяснение феномена Большой Евразии лежит в сочетании обоих этих подходов. С одной стороны, несмотря на рост экономических свя-

зей между европейской и азиатской оконечностями Евразийского континента, формированием и развитием инициатив, из которых складывается Большая Евразия, пока движет политическая и стратегическая, а отнюдь не экономическая логика. В пользу этого говорит то, что формирование самой концепции «Большой Евразии» и многих составивших ее основу инициатив произошло после 2014–2015 гг., с началом российско-западной конфронтации и на фоне нарастания напряженности между Пекином и Вашингтоном. Однако это отнюдь не означает ни неизбежной хрупкости российско-китайского партнерства, ни того, что формирование Сообщества Большой Евразии невозможно и не обладает самостоятельной экономической и политической логикой. Ключевые вопросы, к которым обращаются авторы данной статьи, – почему российско-китайское сближение приняло такую форму, приведя к развертыванию множества масштабных инициатив, и могут ли геополитически мотивированные проекты стать геоэкономически устойчивым международным сообществом.

СООБЩЕСТВО БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Исследователи, наиболее последовательно отстаивающие устойчивость геоэкономической консолидации Большой Евразии, как правило, говорят о ней как о международном сообществе [Караганов, 2017; Bordachev, 2018, с. 597–613]. В общих чертах они описывают такое состояние международных отношений, которое теоретики английской школы называли международным обществом, определяя его как «...группу государств (или, в более широком смысле, группу политических сообществ), которые не просто формируют систему, в том смысле, что поведение каждого является необходимым фактором для расчёта ответной реакции остальных, но систему, установленную посредством диалога, принятия общих правил и институтов для регулирования их отношений и осмысления общих интересов, которые позволяют поддерживать данные установления» [Bull, Watson, 1985, p. 1].

Моделью и источником вдохновения для формирования этой концепции служило и продолжает служить то уникальное состояние международных отношений, которое сложилось в Северной Атлантике между США и их европейскими союзниками, где все указанные критерии – диалог, общие правила, институты – наблюдались и оказывали определяющее влияние на развитие политических отношений между государствами [Buzan, 2004, p. 7]. Таким образом, говоря о Большой Евразии как о формирующемся сообществе в терминах английской школы, исследователь, по-видимому, должен исходить из того, что развитие отношений и доверие между его участниками должны достичь того уровня, который существует сегодня в рамках трансатлантического стратегического партнерства. Хотя ряд исследователей указывают на то, что развитие международной системы в Евразии идет в этом направлении, ссылаясь, например, на беспрецедентный уровень российско-китайского партнерства [Bordachev, 2018], вопрос об устойчивости этого тренда остается открытым и является одним из ключевых вопросов данной статьи.

В рамках западной исследовательской традиции, анализирующей проблемы формирования и развития международных сообществ, наблюдается ряд допущений, которые фактически отрицают возможность их появления вне Евроатлантики. Во-первых, концепция английской школы, как и большинство других научных концепций, анализирующих формирование устойчивых сообществ, фактически подразумевает разделение международной среды на две области – условно более «цивилизованную», в которой это общество сформировалось, – группу государств, образующую условный Запад, – и остальную часть мира, где в отношениях между государствами по-прежнему царит анархия [Buzan, 2004].

Во-вторых, единственным видимым путем формирования такого сообщества в глобальном масштабе западные теоретики видели и продолжают видеть последовательное расширение международного сообщества, сложившегося в рамках Запада [Buzan, 2004].

В результате исследования, апеллировавшие к терминам и проблемам английской школы и схожих концепций, в последние десятилетия, как правило, фокусировались на проблемах расширения евроатлантических институтов как способа постепенной трансформации евроатлантического международного сообщества в мировое, а не на проблемах формирования таких сообществ в других регионах [Gilbert, 2012; Ginberg, 2010; Zimmerman, Dur, 2012]. Это во многом определило скептическое отношение западных ученых к возможностям формирования подобных международных сообществ за пределами Запада и без экспорта западных институтов.

Как следствие, анализ международных отношений в неевропейской Евразии обычно проводится в категориях реализма и геополитики. Аналитикам и ученым-международникам Евразия представлялась зоной анархии и значительных противоречий между различными державами, центрами силы и народами, а не потенциального сотрудничества. Вероятно, поэтому и самим термином «Евразия» как политическим и географическим обозначением исторически оперировали в основном представители геополитической мысли.

Геополитическое осмысление международных процессов в пространстве Евразийского континента, особенно его неевропейской части, восходит к работам Хелфорда Маккиндера и Николаса Спикмана [Mackinder, 1904; Spykman, 1942]. Оба придавали большое стратегическое значение центральной части континента («Хартленду»), в которой исторически доминировала Россия/СССР, и необходимости ее сдерживания. Объединение Евразии виделось исключительно путем военно-политической экспансии крупной континентальной державы, что означало бы поражение Запада и, по сути, – установление такой державой мирового господства: «кто контролирует Хартленд, контролирует мировой остров, кто контролирует мировой остров, тот властвует над миром» [Spykman, 1942]. В работах Спикмана допускалась и даже рекомендовалась возможность кооперации западных держав как с континентальными державами («Римлендом»), не входящими в Хартленд, для сдерживания последнего, так и с государством Хартленда для балансирования государств Римленда, если произойдет их чрезмерное усиление [Gerace, 1991].

Эти геополитические построения повлияли на современную стратегическую и научную мысль по проблемам американской и западной политики в Евразии. Единственным сценарием объединения Евразии в какую-либо политическую общность рассматривалось силовое завоевание этого пространства одной из континентальных держав. Соответственно главным императивом американской и, в более широком смысле, западной политики должно было стать недопущение появления одного или целого альянса государств, которые могли бы объединить неевропейскую Евразию на антиамериканской основе. «Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание “антигегемонистской” коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым», – писал вскоре после распада СССР один из ведущих теоретиков американского господства – З. Бжезинский [Бжезинский, 2015, с. 72–73]. О задаче не допустить российско-китайского сближения, исходя из американских национальных интересов, писали и другие американские авторы, относящиеся к реалистской интеллектуальной традиции [Киссинджер, 1997; Mearsheimer, 2001].

Распад СССР, по мнению ведущих американских аналитиков, предоставил США уникальную возможность самим стать гегемоном в Евразии. Согласно Бжезинскому, «главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия пре-

обладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте» [Бжезинский, 2015, с. 44].

При этом американские аналитики сразу же выставляли геополитические ограничения для развития России. Даже дружественной России (как и Китаю или, скажем, Германии) нельзя было разрешить чрезмерно укрепиться в Евразии, влияние любой крупной державы, кроме США, должно было быть ограничено. Об этом прямо писал, например, Г. Киссинджер: «Геополитически Америка представляет собою остров между берегами гигантской Евразии, чьи ресурсы и население в огромной степени превосходят имеющиеся у Соединенных Штатов. Господство какой-либо одной державы над любым из составляющих Евразию континентов – Европой или Азией – все еще остается критерием стратегической опасности для Америки, независимо от наличия или отсутствия холодной войны. Ибо такого рода перегруппировка стран способна превзойти Америку в экономическом, а в конечном счете и в военном отношении. Опасности этой придется противодействовать, даже если господствующая держава будет по отношению к Америке настроена доброжелательно, так как стоит ее намерениям измениться, как Америка окажется лишенной значительной части возможностей, обеспечивающих эффективное сопротивление, и во все большей степени начнет утрачивать возможности оказывать решающее воздействие на события» [Киссинджер, 1997, с. 740–741]. Таким образом, признавалось, что опасность для США представляли не иные политические режимы, а просто все крупные, самостоятельные и влиятельные государства как таковые.

В связи с этим современное российско-китайское сближение оценивается в западной научной литературе, как правило, критически. Распространённым является и тезис о росте дисбалансов в российско-китайских отношениях: усиление КНР, как предполагается, либо превратит Россию в младшего союзника и сателлита, либо приведет к конфликту между двумя державами, если Россия не примирится с этим статусом. Главным фактором их объединения большинству аналитиков видится не стремление к сотрудничеству и развитию региональной интеграции, а неудовлетворённость собственным местом в мировом порядке и совместное противодействие американскому доминированию [Meagher, 2001; Тренин, 2015; Charap, 2017, р. 25–42]. А такой основанный на конфронтации союз не способен сформировать «систему, установленную посредством диалога, принятия общих правил и институтов для регулирования их отношений и осмысления общих интересов» – т. е. международное сообщество. Большая Евразия – это геополитическое построение, которое неизбежно падет жертвой геополитических же противоречий.

Указанные риски представляются отчасти реальными и, по-видимому, способны будут создать немало проблем на пути реализации такого масштабного проекта, которым является формирование сообщества Большой Евразии. Вместе с тем авторы данной статьи видят три основных пробела в научных и экспертных оценках, посвященных проблеме формирования Большой Евразии и российско-китайскому сотрудничеству в этой области. Во-первых, весьма дискуссионным является изначальный тезис о наличии глубоких противоречий между Москвой и Пекином. Хотя в некоторых аспектах национальные интересы России и Китая могут не совпадать, они не противоречат друг другу. Более того, в последние годы в отношениях двух стран наблюдается сближение не только в стратегической и внешнеполитической сферах, но и в области ценностей и характера политических систем [Lukin, 2018]. Этому не мешает видимое изменение баланса сил в пользу Пекина. Ведь и между членами западных союзов существует значительный дис-

баланс политической и экономической мощи, однако благодаря значительному уровню доверия и единству базовых ценностей этот дисбаланс не приводит к серьезным политическим противоречиям, чреватых распадом союзов. Данное наблюдение позволяет говорить о том, что российско-китайское сближение более устойчиво, чем принято считать, особенно в западной экспертной среде.

Во-вторых, в большинстве работ именно Россия и Китай рассматриваются в качестве инициаторов ухудшения отношений с США и другими странами Запада, а их стратегическое сближение – как взаимная поддержка в этом противостоянии. Между тем политика Москвы и Пекина, первоначально стремившихся вписаться в качестве значимых партнеров в существующую международную систему, во многом стала вынужденной реакцией на триумфализм Вашингтона после распада СССР.

Наконец, в-третьих, сама логика формирования международного сообщества, предложенная теоретиками английской школы, кажется нам не лишённой недостатков. В их понимании формирование устойчивого международного сообщества носит идеалистический характер и, по сути, близко к кантовскому представлению о «вечном мире» – через совершенствование общественных структур и развитие внутренних и международных институтов [Buzan, 2004]. Однако исторически формирование евроатлантического сообщества, так же как сегодня евразийского, проходило не само по себе, а в условиях внешнего давления со стороны СССР и усиления американской роли в Европе. Оба эти фактора – советская угроза и резкое усиление США после Второй мировой войны – сыграли значимую роль в возникновении и развитии и европейской интеграции, и евроатлантических структур безопасности и политического сотрудничества [Киссинджер, 1997].

Особенности нынешней международно-политической ситуации в неевропейской Евразии структурно напоминают условия формирования евроатлантического сообщества в 1940–1950-х гг. Современная Евразия сталкивается с резким усилением Китая и необходимостью адаптироваться к этому новому фактору, так же как и Европа была вынуждена реагировать на возросшую мощь США после Второй мировой войны. В обычных условиях эта необходимость, видимо, могла бы привести к балансированию усиливающейся державы. Однако внешнее давление со стороны Запада, с которым столкнулись евразийские державы, стимулирует Россию, Китай и другие евразийские державы искать новые пути согласования своих интересов в рамках более сложной политической организации. По мнению некоторых аналитиков, противостояние политике Запада уже привело к формированию евразийского полюса в рамках конфронтации между США и их западными союзниками, и рядом незападных держав [Караганов, 2018; Суслов, 2014]. Сохранение этой конфронтации и последовательное развитие институциональной среды в Большой Евразии может привести к действительному возникновению евразийского сообщества, подобно тому как в условиях холодной войны возникло сообщество евроатлантическое.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА ФЛАНГАХ ЕВРАЗИИ И ВОЗВЫШАЮЩИЕСЯ ДЕРЖАВЫ

Политика США и Запада в Евразии после окончания холодной войны сегодня подвергается глубокому переосмыслению. Многие критики указывают на ее излишнюю самоуверенность, отсутствие долгосрочного стратегического планирования и пренебрежение перспективными угрозами и вызовами в угоду краткосрочным интересам².

² Эта критика стала общим местом для специалистов по американской внешней политике как в самих США, так и за их пределами, вне зависимости от научной школы и политической ориентации.

Если анализировать политику США в отношении Евразии и двух ведущих континентальных держав через призму геополитических концепций, то создается впечатление, что она не просто напрямую противоречила им, но, напротив, – была направлена на то, чтобы создать оптимальные условия для российско-китайского сближения, сформировав для них как эффект общей внешней угрозы, так и повестку для позитивного регионального сотрудничества в различных сферах. В качестве общей внешней угрозы сегодня выступают сами США – против обеих держав Вашингтон ввел экономические санкции и инициировал политику военно-стратегического сдерживания, официально признавая их своими геополитическими оппонентами. Повестка для регионального сотрудничества между Россией и КНР во многом определяется результатами американской политики в центре Евразийского континента – дестабилизирующим эффектом войн в Ираке и Афганистане, отсутствием повестки для экономического развития региона и одновременным повышением геоэкономического значения Центральной Евразии в условиях нарастания геополитических рисков на флангах Евразии.

Сама по себе возможность российско-китайского сближения в целях балансирования США после окончания холодной войны обсуждалась учеными-реалистами как один из вероятных сценариев дальнейшего развития международной системы уже в 1990-е гг. [Mearsheimer, 2001]. Как правило, в рамках таких моделей речь шла либо о формировании той или иной формы политического или военного союза между данными странами, либо о «сателлизации» одного из участников этих отношений [Mearsheimer, 2001]. В целом любая форма сближения Москвы и Пекина рассматривалась как тактическая, так называемый брак по расчету, и направленная на борьбу с американской гегемонией [Lo, 2015].

Однако на практике Россия и Китай, хотя и имели общее мнение по многим проблемам и демонстрировали недовольство сформировавшимся после окончания холодной войны однополярным порядком, не спешили образовывать какой-либо союз. Континентальная Евразия, которая сегодня является ключевой зоной сотрудничества Москвы и Пекина, значительно уступала по степени важности евроатлантическому направлению (для России) и тихоокеанскому (для Китая), что отражается в представленной иерархии приоритетов, зафиксированной во внешнеполитических документах двух стран. Уровень развития торгово-экономического, технологического и политического партнерства с западными странами многократно превосходил повестку российско-китайского сотрудничества в 1990-е и 2000-е гг., что заставляло обе страны стремиться к развитию отношений на флангах Евразийского континента, а не к геополитической консолидации вокруг его центральной части. Хотя многие совместные инициативы России и Китая, такие, как создание ШОС, урегулирование пограничных споров, сегодня стали важной основой для беспрецедентного стратегического партнерства, в предшествующие десятилетия многие западные аналитики предпочитали видеть в российско-китайском сближении стремление Москвы и Пекина усилить свои переговорные позиции в отношениях с Западом [Manuel, 2018]. В целом внешнеполитические приоритеты России и Китая в этот период соответствовали либеральным представлениям об эволюции постбиполярной международной системы: обе державы искали пути интеграции в новый международный порядок в поисках выгоды и усиления своего политического веса [Nye, 2002; Keohane, 2002; Ikenberry, 2002].

Проводимая Москвой и Пекином политика по интеграции в западный порядок исчерпала себя в 2014–2015 гг. на фоне кризиса взаимоотношений с Вашингтоном и его союзниками. В отношениях с Москвой переход к конфронтационной модели произошел весной 2014 г. в результате событий на Украине и введения Западом экономических санкций, которые с этого времени лишь ужесточались. Китайско-американские отношения трансформировались в конфронтационные гораздо более плавно, главным образом в си-

ду значительной экономической базы – товарооборот между двумя странами в 2017 г., уже в условиях обострения противоречий, составлял более 700 млрд долл. [The People's Republic of China]. Однако уже в 2015–2016 гг. в них наметились кризисные тенденции, которые отразились в трех основных аспектах: 1) в усилении конкуренции в АТР между американскими и китайскими региональными инициативами; 2) в обострении противоречий в Южно-Китайском море между Китаем и США, принявшими сторону оппонентов Пекина в вопросе о принадлежности спорных территорий; 3) в обострении противоречий Пекина и Вашингтона в сфере торговли и финансов, включающих, в том числе, обвинения в занижении курса юаня. Приход к власти в начале 2017 г. республиканской администрации окончательно утвердил жесткую линию американской политики в отношении КНР.

В западном научно-экспертном сообществе кризис в отношениях Запада с Россией и Китаем объясняется главным образом реакцией Запада на отказ Москвы и Пекина следовать правилам либерального порядка и, следовательно, от интеграции в его систему. Реалисты обычно интерпретируют это как запоздалый, но логичный возврат международной системы к многополярности и балансу сил, через формирование блока двух возвышающихся держав [Mearsheimer, 2018.]. Либералы указывают на усиление авторитаризма в этих странах, что повышает агрессивность внешней политики России и Китая и заставляет проводить более антиамериканскую политику – даже если она ведет к экономическим потерям [Kendall-Taylor, Shullman, 2019]. Однако ни один из этих подходов не анализирует должным образом, почему целенаправленные стратегии Москвы и Пекина по интеграции в западную систему уступили место разочарованию, в какой мере противоречия с США и Западом подталкивали две страны к укреплению стратегического партнерства и почему их сближение приняло именно такую форму – создание международного сообщества, направленного на развитие традиционно отстающей в экономическом отношении центральной части евразийского континентального массива.

Ответ на этот вопрос следует искать в эволюции политики самого Вашингтона и тех ошибках, которые были присущи его стратегической линии в последние четверть века. Можно выделить две условные сферы, одновременно политические и географические, где американская политика сталкивалась с проблемами, закладывая фундамент нынешней конфронтации. Это, во-первых, политика на флангах Евразии, где США приходилось перестраивать отношения одновременно со старыми союзниками по холодной войне и новыми партнерами в лице России и Китая. Во-вторых, политика в центре Евразии, где США оказались вовлеченными в военные конфликты, во многом ими же и порожденные. Провал на всех трех направлениях – на обоих флангах и в центре континента определил облик стратегических противоречий между великими державами и в конечном счете привел к наблюдаемой сегодня геополитической консолидации Евразии.

Политика США на флангах континента страдала от трех проблем. Вначале – от недооценки темпов возвышения России и Китая и соответственно роста их требований к повышению своего статуса в мире, который Вашингтон после окончания холодной войны полагал однополярным. Затем – от институционального наследия холодной войны, когда сохранение старых альянсов сделало политику США слишком неповоротливой, чтобы перестроить свои отношения с Москвой и Пекином и привести их в соответствие с новыми реалиями. И по крайней мере, до прихода к власти Д. Трампа, от нарастающей идеологизированности внешней политики, из-за которой недостаточная «демократичность» России и Китая становилась препятствием для развития отношений. Эти проблемы сделали российско-китайские отношения в АТР и российско-американские в Европе историей недооцененных полууступок в поисках нового баланса отношений, который стороны так и не сумели нащупать.

Возвышение Китая, которое сегодня видится как главный вызов международному порядку и американским позициям, рассматривалось и демократической администрацией Клинтона, и, по большому счету, республиканской администрацией Буша-младшего как достаточно отдаленный по своему характеру вызов. Начало рыночных реформ в КНР и стремление страны интегрироваться в глобальную экономику породили в Вашингтоне во многом завышенные надежды на то, что Китай удастся интегрировать в либеральный международный порядок в качестве «ответственного партнера», играющего по установленным США правилам. «... Наше сотрудничество с Китаем позволяет быть уверенными, что... Китай по праву является источником позитивных изменений как для своего народа, так и для всего мира», – отмечал У. Клинтон в 1996 г. [Clinton, 1996, p. 151–152].

Отношения с другой ведущей евразийской державой, Россией, также страдали от стратегической недооценки ее растущих возможностей и широты интересов, особенно на фоне постепенного восстановления экономического и военного потенциала после тяжелого периода транзита к рыночной экономике. Россия в 1990-е и, по меньшей мере, в первую половину 2000-х гг., напротив, рассматривалась как слабеющий международный игрок, который на долгое время, если не навсегда, потерял свое бывшее значение. Эта недооценка роли России привела к ряду спорных решений, которые до сих пор служат источником российско-западных противоречий. Уже в 1993–1994 гг. администрация Клинтона приняла решение о поддержке расширения НАТО на страны бывшего Варшавского Договора, очень болезненное для официальной Москвы, воспринявшей такое расширение как угрозу своей безопасности [Stent, 2015]. С середины 1990-х гг. и вплоть до настоящего момента вопрос об архитектуре европейской безопасности остается одним из главных источников напряженности в российско-американских и российско-западных отношениях³. Эти противоречия усиливались общим разочарованием российского общества результатами завершения холодной войны: несмотря на относительную демократизацию после распада СССР и сближения с Западом, Россия ни экономически, ни политически так и не стала его частью [Sakwa, 2017; Legvold, 2016]. Модель отношений с Россией предполагала ограниченное партнерство в рамках особых отношений с НАТО и ЕС.

Инициативы администрации Обамы по обновлению отношений с возвышающимися державами с самого начала ограничивались инерцией старых альянсов и союзов, унаследованных со времен холодной войны. Геэкономические проекты, запущенные Вашингтоном на Тихом океане и в Евроатлантике, практически совпадали со структурой военных союзов и как следствие имели ограниченный потенциал вовлечения возвышающихся держав и воспринимались Москвой и Пекином с настороженностью. Российский президент В.В. Путин открыто критиковал ТТП и ТТИП: «Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных, причём без участия ВТО. Это чревато полной разбалансировкой торговой системы, раздроблением глобального экономического пространства» [70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, 2015]. Представители руководства Китая высказывались осторожно, допуская китайское участие в этих проектах, хотя и указывая на связанные с реализацией соглашения риски [China reviewing effects of TPP, 2015]. Однако запуск в 2013 г. проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства сделал гипотетическое участие КНР в американской инициативе весьма призрачным – в регионе развернулась ожесточенная конкуренция экономических инициатив [Bishop, 2015].

Инициированная администрацией Обамы политика «перезагрузки» с Россией никогда не касалась каких-либо институциональных преобразований европейской системы безопасности, которая по-прежнему оставалась основанной на старых союзах времен хо-

³ Данному вопросу посвящено большое количество научной и экспертной литературы. См.: [Trenin, 2018, p. 1–34; NATO, 2010, p. 1–58].

лодной войны. Например, США отклонили выдвинутую в 2008 г. инициативу тогдашнего президента России Д.А. Медведева по подписанию договора о европейской безопасности [Lomagin, 2011, p. 181–203; Clinton, 2010]. Боязнь Вашингтона девальвировать роль НАТО и стремление сохранить возможность его расширения на постсоветское пространство способствовали росту разочарования Москвы и постепенной эрозии «перезагрузки» [Караганов, Суслов, 2011]. В этом контексте российский ответ на украинский кризис 2014 г. можно рассматривать как предпринятую Москвой сознательную смену парадигмы российско-западных отношений [Суслов, 2014].

В Азии разветвленная архитектура американских союзов также была фактором, ограничивавшим возможности Вашингтона по поиску нового подхода к отношениям с Китаем. Как и в Европе, администрация Обамы оказалась вынуждена балансировать между консолидацией сети собственных альянсов и стремлением плотнее вовлечь КНР в глобальный и региональный порядок под своим лидерством. На деле эти две задачи вступали в противоречие друг с другом. Укрепление связей с союзниками вызывало опасения Пекина и создавало у китайского руководства впечатление стратегического окружения [Дай Сюй, 2010]. Укрепление двусторонних китайско-американских диалоговых форматов вызвало озабоченность уже американских союзников, опасавшихся, что ключевые региональные и глобальные решения будут приниматься Вашингтоном и Пекином на двусторонней основе. По мере того как политический и экономический вес Китая возрастал, это противоречие становилось все более ясным, способствуя усилению напряженности в АТР и готовя почву для конфронтации двух стран.

Таким образом, к концу правления Обамы на обоих флангах континента, и в Европе, и в Азии, стратегии вовлечения двух ведущих евразийских держав привели к обратному результату – отношения США и с Россией, и с Китаем приняли характер «игры с нулевой суммой», в которой вовлечение этих держав в американский порядок стало трактоваться не как взаимовыгодный процесс, а как односторонняя победа Вашингтона, увязываемая некоторыми экспертами даже со сменой режимов в странах-противниках. Это открыло путь для радикализации подхода к внешним вызовам.

Уже в период президентских выборов 2016 г. практически все кандидаты выступали с позиций проведения более жесткого курса по отношению и к России, и к Китаю. Победа Д. Трампа, кандидата, который был в наименьшей степени политически вовлечен в строительство либерального международного порядка и соответственно не стремился соблюдать осторожность для сохранения этой хрупкой конструкции, судя по всему, лишь ускорила эту трансформацию американской политики и структурирование конфронтации на флангах Евразии.

ЦЕНТР ЕВРАЗИИ: ОТ ПРОВАЛА К ВОЗВЫШЕНИЮ

К началу 2010-х гг. на двух оконечностях Евразийского континента – в Европе и в Восточной Азии – сформировались тлеющие и готовые в любой момент разгореться противоречия между США и двумя крупными евразийскими державами. Однако сами по себе эти противоречия, хотя и сближали Москву и Пекин на почве критики «американской гегемонии», не давали этим странам конкретной повестки для стратегического сотрудничества. За исключением определенной координации в рамках СБ ООН и таких институтов, как БРИКС и ШОС (которые сами находились в определенном поиске конкретики в плане определения повестки своей деятельности), российско-китайское сотрудничество по трансформации международного порядка оставалось областью политических деклараций, а не содержательных инициатив.

Предложи Вашингтон позитивную повестку развития для центральной части Евразийского континента под американской эгидой, это могло бы нивелировать потенциал

российско-китайского сближения и вовлечения в этот процесс других стран региона. Американское лидерство в пространстве Большого Ближнего Востока и Центральной Азии лишило бы российско-китайское сближение конкретной географической сферы приложения, кроме того, создало бы вокруг евразийских центров силы такое международное окружение, которое, вероятно, не позволило бы им консолидировать Евразию на антиамериканской основе. К началу 2010-х гг. лидерство в центральной части Евразии было прочно связано с развитием таких проектов и инициатив, которые гарантировали бы экономический рост и социальную стабильность в странах этого обширного региона.

Вторжение в 2001 г. войск международной коалиции в Афганистан вначале создало такую ограниченную, но зато конкретную повестку сотрудничества в регионе. Географическое положение этой страны в центре Евразии диктовало США и другим странам коалиции необходимость выстраивания тесных контактов со всеми государствами региона. Однако решение Вашингтона переключиться с Афганистана на Ирак, начав военную кампанию в марте 2003 г. в рамках глобальной войны с террором, а также давление на Иран ослабили поддержку американской политики в регионе и стали источником ее постоянной критики со стороны Пекина и в особенности Москвы [Kuchins, 2018].

Эта политика США в центральной части Евразии имела целый ряд негативных последствий и для отношений Вашингтона с Москвой и Пекином, и для его отношений с другими региональными игроками. Как и на флангах континента, в его центральной части маневренность американской политики была скована наследием предшественников, в данном случае начатых Дж. Бушем-младшим масштабных военных кампаний. В ходе своей предвыборной кампании Обама обещал ускоренный вывод американских войск вначале из Ирака, а затем и из Афганистана. Однако на практике вскоре стало очевидно, что быстрого сворачивания военного присутствия не получится, а сам уход американских войск может оказать дестабилизирующее воздействие на весь Большой Ближний Восток [Gates, 2015].

Чтобы избежать этих негативных последствий, администрации Обамы необходимо было предложить повестку развития региона, которая включала бы в себя укрепление развития экономик, расширение внутри- и внерегиональных торгово-экономических связей и институтов сотрудничества и безопасности, – эти меры обсуждались в экспертном сообществе и в общем смысле декларировались в принятой администрацией Обамы Стратегии национальной безопасности как краеугольный камень мер по обеспечению безопасности в пространстве Большого Ближнего Востока [National Security Strategy, 2010]. Однако это требовало масштабных дипломатических и экономических инвестиций, которые США в период разразившегося финансового кризиса едва ли могли себе позволить.

В итоге администрация Обамы сконцентрировалась главным образом на поддержании инфраструктуры, необходимой для достижения быстрой военной победы и ухода из региона. Единственной крупной региональной экономической инициативой был проект «Нового шелкового пути», который стал компонентом афганской стратегии новой администрации, связанным с решением конкретной задачи: необходимости создания транспортно-логистической инфраструктуры для сбыта производимых в Афганистане товаров, что, в свою очередь, должно было обеспечить рост внутреннего производства и в конечном счете способствовать долгосрочной политической стабилизации страны. Однако по целому ряду причин эта инициатива так и не выросла в сколько-нибудь внятную дорожную карту для регионального развития и не стала мега-проектом, на котором США могли бы укрепить свои позиции в регионе: в условиях бюджетных ограничений Вашингтон не хотел тратить масштабные ресурсы на «план Маршалла» для центральной Евразии. Сама инициатива была отдана на откуп Центральному командованию Вооруженных Сил США (CENTCOM), заведомо сконцентрированному главным образом на военно-strate-

гических, а не экономических вопросах. К 2014 г., когда администрация Обамы объявила о выводе своих войск из Афганистана, проект фактически лишился политической и финансовой поддержки [Rosenberger, 2017]. При этом в 2013 г. ему на смену фактически пришел китайский проект Шелкового пути, направленный на достижение тех же целей, но более масштабный и амбициозный.

Ситуацию с безопасностью в регионе усугубили последствия «Арабской весны», которые еще более дестабилизировали Большой Ближний Восток и затронули много других стран Евразийского континента, приведя к росту угрозы терроризма в ЕС, России, Китае, странах Центральной Азии. Администрация Обамы приветствовала движения против авторитарных режимов во многих странах Магриба и Ближнего Востока, рассматривая их как процесс демократической трансформации региона [Hamid, 2015]. Вашингтон начал оказывать политическую и военную поддержку антиправительственным движениям в Ливии и Сирии, что вызвало негативную реакцию в Пекине и в особенности в Москве. [Путин назвал резолюцию СБ ООН по Ливии «призывом к крестовому походу», 2011].

Ситуация значительно ухудшилась в 2014 г., когда боевики террористического движения ИГИЛ взяли под контроль значительную часть Ирака и Сирии, ярко продемонстрировав неспособность США выстроить устойчивую систему региональной безопасности. При этом ввиду того, что подъем исламистских движений являлся во многом результатом изначально поддержанной США «Арабской весны», рост экстремизма и дестабилизация региона стали рассматриваться многими странами, в том числе Россией и Китаем, как результат ошибок проводимой Вашингтоном политики. Хотя история анализируемых событий, безусловно, несколько сложнее, в целом можно сделать вывод о том, что причины провала центра Евразии и того тяжелейшего состояния, в котором он оказался к середине 2010-х гг., многими здесь усматривались в том, что США вначале грубо вторглись в регион, сломав или приведя в негодность старые политические и социальные структуры, а затем, подобно легионам слабеющей Римской империи, покинули оказавшиеся ненужными рубежи, оставив многие народы и страны наедине с хаосом и ростом экстремизма.

В этих условиях региональная стратегия Вашингтона, вероятно, могла бы быть более эффективной, если бы она в большей степени опиралась на региональных партнеров, прежде всего на Китай и Россию, или как минимум поддерживала их экономические и интеграционные инициативы, а также более активно кооперировалась с ними в таких сферах, как борьба с терроризмом и другими угрозами. Однако, так и не сформулировав привлекательной повестки для сотрудничества в центральной Евразии, США весьма скептически и критически относились и продолжают относиться к усилиям неамериканских игроков по продвижению евразийской интеграции.

Например, в Вашингтоне рассматривали и продолжают рассматривать продвигаемые Россией проекты – такие как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический Союз (ЕАЭС), как слабозавуалированные средства по укреплению российского регионального влияния [Clover, 2012], противоречащего интересам США. В течение более 15 лет США и НАТО отказывались от сотрудничества с ОДКБ, чтобы тем самым не легитимировать эту организацию. Между тем ОДКБ сыграла важную роль в обеспечении безопасности Центральной Азии, причем с начала 2000-х гг. – главным образом от угроз, исходящих от дестабилизированного Афганистана.

И администрация Буша-младшего, и администрация Обамы игнорировали и преуменьшали значимость Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с момента ее основания в 2001 г. Выдвижение Китаем инициатив Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути в конце 2013 г. (которые впоследствии были объеди-

нены под единым названием «Инициатива Пояса и Пути» (ИПП)), также рассматривалось администрацией Обамы в негативном ключе, главным образом как конкурирующий проект тогда уже по сути свертывавшегося плана Нового шелкового пути.

Администрация Трампа с присущим ей экономическим национализмом и узкореалистским подходом к решению внешнеполитических задач в еще меньшей степени способствует тому, чтобы США играли в Евразии роль лидера, а не внешнего игрока, ведущего геополитическую шахматную партию. При нем конфронтации США с Россией и Китаем институционализировались, получив не только политическую, но и законодательную основу. Более того, интенсификация одновременного нажима на обе страны способствует тому, что эти две конфронтации перерастают в одну – системное противостояние США не с двумя отдельными оппонентами, а с российско-китайским блоком. По сути, те тенденции, которые обозначились при предыдущих администрациях, продолжая развиваться при Трампе в еще более радикальной форме, способствуют росту конфронтации на флангах континента и ухудшению ситуации с безопасностью в его центре.

Это лишь усиливает тенденцию к консолидации Евразии на антиамериканской основе, способствуя формированию нестабильного и неформализованного геополитического полюса. Этот полюс весьма разношерстен и состоит из множества государств, их группировок и организаций, которые нередко могут противоречить друг другу, зачастую не обладают достаточным уровнем взаимной координации, не имеют общей идеологической основы. Однако эта общность, которая и называется Большой Евразией, объединена общими интересами, порожденными во многом негативными последствиями западной политики: необходимостью сбалансировать растущее геополитическое давление со стороны Запада и восстанавливать политическую стабильность и экономическую состоятельность центральной части континента. Внутренняя динамика и перспективы стабилизации и развития этого полюса – предмет для отдельного анализа и дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бжезинский, Збигнев. *Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы*. М.: АСТ, 2015. [Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Chessboard: American Dominance and its Geostrategic Imperatives*. Moscow: AST, 2015 (in Russian)].

Караганов С.А., Бордачев Т.В. (ред.). *К Великому Океану – 5. От поворота на Восток к Большой Евразии*. Москва: Дискуссионный клуб Валдай, 2017 [Karaganov S.A., Bordachev T. V. (eds). *Moscow: Towards the Great Ocean – 5: From Pivot to East to Greater Eurasia*. Valdai Discussion Club, 2017 (in Russian)].

Караганов С.А., Сулов Д.В. *Отношения «Россия – США» после «перезагрузки»: на пути к новой повестке дня. Взгляд из России: доклад российских участников Рабочей группы по будущему российско-американских отношений*. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2011 [Karaganov S.A., Suslov D.V. *Russia – USA Relations after the “Reset”: Towards a New Agenda: a View from Russia: Report of Russian Working Group members on the Future of Russian-American Relations*. Moscow: Valdai Discussion Club, 2011 (in Russian)].

Киссинджер Г. *Дипломатия*. Пер. с англ. В.В. Львова. Послесл. Г.А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997 [Kissinger H. *Diplomacy*. Translated from English by V.V. Lvov / Afterword by G.A. Arbatov. Moscow: Ladomir, 1997 (in Russian)].

Сулов Д. В. *Всерьез и надолго. Россия в глобальной политике*. 2014. Т. 12. № 5. С. 58–72. [Suslov D. V. *For a long While. Russia in Global Affairs*. 2014. Vol. 12. No. 4. Pp. 58–72 (in Russian)].

Тренин Д. *Россия и мир в XXI веке*. М.: Эксмо, 2015. [Trenin D. *Russia and the World in the 21st Century*. Moscow: Eksmo, 2015 (in Russian)].

Bordachev T. Greater Eurasia and Russian foreign policy priorities. *Asian Politics & Policy*. 2018. Vol. 10. No. 4. Pp. 597–613.

Bull H., Watson A. *The expansion of international society*. Oxford: Oxford University Press, 1985.

Buzan B. *From international to world society?: English school theory and the social structure of globalisation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Charap S., Drennan J., Noël P. Russia and China: a new model of great-power relations. *Survival*. 2017. Vol. 59, No. 1. Pp. 25–42.

Clinton B. *Between hope and history: Meeting America's challenges for the 21st century*. New York: Times Books, Random House, 1996.

Diesen G.E. *The Decay of Western Civilisation and Resurgence of Russia: Between Gemeinschaft and Gesellschaft (Rethinking Asia and International Relations)*. New York: Routledge, 2018.

Gates R. *Duty: Memoirs of a Secretary at War*. New York: Vintage, 2015.

Gerace, Michael P. Between Mackinder and Spykman: Geopolitics, containment, and after. *Comparative Strategy*. 1991. Vol. 10. No. 4. Pp. 347–364.

Gilbert M. *Demystifying the European Union: The Enduring Logic of Regional Integration*. Second Edition. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010.

Gilbert M. *European Integration: A Concise History*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2012.

Ikenberry, John G. *America Unrivaled: The Future of the Balance of Power* (Cornell Studies in Security Affairs). New York: Cornell University Press, 2002.

Karaganov S. The new Cold War and the emerging Greater Eurasia. *Journal of Eurasian studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 85–93.

Keohane, Robert O. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. New York: Routledge, 2002.

Kuchins A.C. What is Eurasia to US (the US)? *Journal of Eurasian studies*. 2018. Vol. 9, No. 2. Pp. 125–133.

Legvold R. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity, 2016.

Lo B. *Russia and the New World Disorder*. Washington: Brookings institution press, 2015.

Lomagin N. Medvedev's "fourteen points": Russia's proposal for a New European security architecture. *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. Ed. Roger E. Kanet. London: Palgrave Macmillan, 2011. Pp. 181–203.

Lukin A. China and Russia: *The new rapprochement*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2018.

Lukin A. Eurasia—from confrontation to partnership. *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 83–84.

Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23. No. 4. Pp. 421–437.

Mearsheimer, John J. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven and London: Yale University Press, 2018.

Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

National security strategy of the United States. Washington: White House, 2010.

Nye, Joseph S. Jr. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Sakwa, Richard. *Russia Against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Spykman, Nicholas John. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

Stent A.E. *The Limits of Partnership: US-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Updated Edition. Princeton: Princeton University Press, 2015.

Stronski P., Ng N. *Cooperation and competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic*. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2018.

Trenin D. *European Security: From Managing Adversity to a New Equilibrium*. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2018.

Zimmerman H, Dur A. *Key controversies in European integration*. London: Palgrave Macmillan, 2012.

戴旭 [Дай Сюй] : C 型包围—内忧外患下的中国突围. [Дугообразное окружение: как Китаю прорвать окружение в условиях внутренних трудностей и внешнего давления]. Шанхай: Вэньхуэй

чубаньшэ. 2010. [Arc-shaped environment: how to China to break through the environment in the face of internal difficulties and external pressure]. Shanghai. 2010.

INTERNET SOURCES

70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Президент России: официальный вебсайт [70th Session of the UN General Assembly. The President of Russia: official website. <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (accessed 25 August 2019) (in Russian)].

Бордачев Т.В. Евразия: обреченная на разделенность? *Международный дискуссионный клуб Валдай*: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziya-obrechennaya-na-razdelyennost/> (accessed 25 August 2019).

Путин В.В. Стенограмма выступления Владимира Путина на ПМЭФ-2016. *Российская газета от 17.06.2016* [Putin V.V. Transcript of Vladimir Putin's speech at SPIEF-2016. *Rossiyskaya Gazeta* 06/17/2016. <https://rg.ru/2016/06/17/reg-szfo/stenogramma-vystupleniia-vladimira-putina-na-pmef-2016.html> (accessed 10 December 2018) (in Russian)].

Путин назвал резолюцию СБ ООН по Ливии "призывом к крестовому походу". *РИА НОВОСТИ*. [Putin called UN Security Council resolution on Libya "call for a crusade". *RIANOVOSTI*: news website. <https://ria.ru/20110321/356272787.html> (accessed 10 December 2018) (in Russian)].

Bishop, Andrew D. Standard Power: The New Geopolitical Battle. *The National Interest: official website*. <https://nationalinterest.org/feature/standard-power-the-new-geopolitical-battle-14017> (accessed 28 June 2019).

China reviewing effects of TPP. *State Council of the People's Republic of China: official website*. http://english.www.gov.cn/state_council/ministries/2015/11/06/content_281475229236784.htm (accessed 25 June 2019).

Clinton H.R. Remarks on the Future of European Security. *US Department of State: official website*. <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/136273.htm> (accessed 25 June 2019).

Clover C. Clinton vows to thwart new Soviet Union. *The Financial Times*. <https://www.ft.com/content/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0#axzz39sYmeVdw> (accessed 28 June 2019).

Kendall-Taylor, Andrea; Shullman, David. A Russian-Chinese Partnership Is a Threat to U.S. Interests Can Washington Act Before It's Too Late? *Foreign Affairs*, May 14, 2019. <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-05-14/russian-chinese-partnership-threat-us-interests> (accessed 05 August 2019).

Hamid Sh. Islamism, the Arab Spring, and the Failure of America's Do-Nothing Policy in the Middle East. *TheAtlantic*: official website. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/10/middle-east-egypt-us-policy/409537/> (accessed 02 February 2018).

Карганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии. Россия в глобальной политике. <https://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrzii-18739> (accessed 25 August 2019).

Manuel A. It's Not Too Late to Prevent a Russia-China Axis. *TheAtlantic*: official website. <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/china-russia-alliance-military-exercises/570202/> (accessed 02 February 2018).

NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. *NATO: official website*. <https://www.nato.int/strategic-concept/expertsreport.pdf> (accessed 02 February 2019).

Rosenberger L. The Rise and Fall of America's New Silk Road Strategy. *EconoMonitor*: official website. <https://moneymaven.io/economonitor/emerging-markets/the-rise-and-fall-of-america-s-new-silk-road-strategy-wQgq4kkev06cG DycTSLNiQ/> (accessed 25 August 2019).

Putin called for a big Eurasian partnership. Petersburg International Economic Forum 2016. *TASS*. <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376295> (accessed 02 February 2018).

The People's Republic of China. *Office of the United States Trade Representative: official website*. <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (accessed 28 June 2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЛУКИН Александр Владимирович – д.и.н., профессор, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России, руководитель департамента международных отношений и заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, профессор Школы государственной политики Чжэцзянского университета (КНР).

НОВИКОВ Дмитрий Павлович – к.полит.н. заместитель заведующего Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма и старший преподаватель департамента международных отношений Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Москва, Россия.

Alexander V. LUKIN, Doctor of science (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies; National Research University "Higher School of Economics", Head of the International Laboratory on World Order and the New Regionalism Studies, and Head of the School of International Affairs; Zhejiang University, School of Public Affairs, Professor, China

Dmitry P. NOVIKOV, PhD (Political Science) National Research University "Higher School of Economics", International Laboratory on World Order and the New Regionalism Studies, Deputy Head, School of International Affairs, Senior Lecturer, Moscow, Russia.